

ОПУБЛИКОВАННЫЕ за рубежом сообщения о смерти Сергея Есенина, переданные из Советской России информационными агентствами, были очень краткими. Так, в парижской газете «Дни» в номере от 30 декабря 1925 года помещена следующая информация: «Москва, 28 декабря (Гавас). В Петербурге покончил с собой поэт Сергей Есенин».

Другая парижская газета, «Последние новости», 30 декабря публикует сообщение ТАСС от 29 декабря, в котором также очень скупо говорится о гибели Есенина:

«Покончил с собой...

Самоубийство произошло...

Есенин повесился...»

Рижская газета «Сегодня вечером» в номере от 29 декабря дает несколько иную информацию: «Петроград, 29 декабря. Вчера по Петрограду разнесся слух, что известный поэт Сергей Есенин покончил с собой».

Сходными были и сообщения из Москвы и Ленинграда, появившиеся в те дни и в других газетах. В них говорилось о самоубийстве, хотя не было данных ни о работе следственных органов, доказывавших, что произошло именно самоубийство, ни о медицинской экспертизе. В прессу была дана лишь одна версия, не подкрепленная конкретными объективными фактами. «О причинах самоубийства Есенина, — пишет парижская газета «Дни» 30 декабря, — о котором мы знаем лишь по сухой телеграфной строчке, сейчас можно только догадываться». И понятно, что догадки о причинах гибели, подтверждающие известие о самоубийстве строками стихотворений Есенина, а также отдельными фактами его жизни, появились тогда во многих газетах. Эти субъективные предположения часто противоречат друг другу. Пользуясь ими, невозможно установить истинную картину произошедшего.

И все же заслуживает внимания опубликованное во многих периодических изданиях сообщение о найденной предсмертной записке. О ней упоминалось не только во многих материалах, подготовленных специальными корреспондентами эмигрантских газет, но и в официальных сообщениях РОСТА и ТАСС. В нью-йоркской газете «Новое русское слово» от 30 декабря подборка материалов о Есенине так и озаглавлена — «Поэт оставил записку, написанную собственной кровью». Эта записка, в которой «никто не может разобрать написанное» («Русский голос», Нью-Йорк, 30 декабря 1925 г.), была очень важна, так как она отвлекала внимание от поиска истинных причин гибели поэта — ведь именно эта последняя запись, оставленная самоубийцей, должна была подтвердить правдивость единственной официальной версии.

По воспоминаниям очевидцев никакой

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ПОЭТ СЕРГЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ ЕСЕНИН ПОГИБ В ЛЕНИНГРАДЕ В НОЧЬ С 27 НА 28 ДЕКАБРЯ 1925 ГОДА. ЭТОТ ФАКТ, ПОЖАЛУЙ, НИ У КОГО НЕ ВЫЗЫВАЕТ СОМНЕНИЙ. НО ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ГИБЕЛИ ДО СИХ ПОР ОСТАЮТСЯ ТАЙНОЙ. В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ ПОЯВИЛОСЬ БОЛЬШОЕ КОЛИЧЕСТВО ПУБЛИКАЦИЙ, В КОТОРЫХ ДАН АНАЛИЗ РАЗЛИЧНЫХ ДОКУМЕНТОВ, КАСАЮЩИХСЯ СМЕРТИ ЕСЕНИНА. В СВЯЗИ С ЭТИМ ОПРЕДЕЛЕННЫЙ ИНТЕРЕС ПРЕДСТАВЛЯЮТ МАТЕРИАЛЫ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ, ВЫЗВАННЫЕ ЭТИМ ИЗВЕСТИЕМ.

ПАРИЖ, РИГА, НЬЮ-ЙОРК... О ГИБЕЛИ ЕСЕНИНА

записки в номере Есенина после его гибели не было обнаружено. Речь идет о стихотворении «До свиданья, друг мой, до свиданья...». Поэт написал его собственной кровью, объяснив свое решение тем, что в номере не было чернил, и передал В. Эрлиху. Это стихотворение, которому суждено было стать последним произведением Есенина, интерпретируется специалистами по-разному. И все же необходимо отметить, что оно не противоречит всему творчеству поэта, затрагиваемой им тематике. Сравнивая «До свиданья, друг мой, до свиданья...» с другими стихотворениями поэта, нельзя однозначно считать его финальным, прощальным произведением.

В первых числах января 1926 года в газетах появились отдельные данные о вскрытии тела Есенина. «Тело поэта было вскрыто в одной из петербургских больниц. Результаты показали, что никаких ненормальностей в мозгу не было» (выделено в подлиннике. — М. С.) — «Сегодня», Рига, 3 января 1926 года. Сходная информация была опубликована и в советской печати (например в «Вечерней Москве» 30.12.1925 года). В нью-йоркской газете «Русский голос» 3 января 1926 года были напечатаны отрывки из высказываний Айседоры Дункан, вызванных гибелью Есенина. «Есенин отчаялся жить в мире, где так мало людей, действительно любящих искусство. По всей вероятности, он покончил с собой в минутном припадке безумия. Мое утешение заключается в мысли, что его поэмы переживут его трагическую смерть». Вряд ли требует доказательства то, что А. Дункан хорошо знала характер и психологию Есенина. Она отвергает версию о преднамеренном, заранее продуманном самоубийстве: велел никому не пускать к себе, заперся в номере, перерезал вены, повесился. Самоубийство могло произойти только «в минутном припадке безумия». Однако, по официальным данным, «никаких ненормальностей в мозгу не было». Здесь обнаруживается одно

из противоречий, связанных с обстоятельствами гибели поэта.

Важным источником, помогающим в какой-то мере восстановить события 65-летней давности, являются сообщения о вечерах памяти Есенина, которые проводились как во многих городах Советского Союза, так и за его пределами. На вечерах читывались доклады о творчестве Есенина, звучали произведения поэта, стихотворения на смерть Есенина. Один из первых вечеров состоялся в Московском камерном театре. Вел его А. Я. Таиров, выступили С. Городецкий, В. Шершеневич, стихотворения памяти Есенина прочитали поэты П. Орешин, С. Клычков, А. Мариенгоф и другие. Газеты «Правда» и «Известия» достаточно подробно рассказали об этом вечере, но не упомянули о реакции зала. Собственный корреспондент парижской газеты «Дни» прислал в редакцию следующую информацию, опубликованную 15 января: «На вечере памяти Есенина, устроенном в Камерном театре 4 января, большинство публики на заявление представителя наркомпроса, что Есенина нельзя считать поэтом революции, ответило свистом и весьма нелестными замечаниями по адресу большевистских сановников, а некоторые лица из публики требовали изгнания из зала убийц Гумилева и Есенина» (выделено в подлиннике. — М. С.). Это сообщение без ссылки на первоисточник было перепечатано нью-йоркским «Новым русским словом» в номере от 30 января 1926 года. К сожалению, ни в «Днях», ни в «Новом русском слове» нет комментариев к опубликованному сообщению. Очевидно, что имя Есенина не случайно было упомянуто на вечере рядом с именем Гумилева, который был расстрелян. Однако возможно двоякое прочтение этой информации: Есенин был убит; обстановка, искусственно созданная вокруг поэта, спровоцировала самоубийство. По тексту заметки трудно определить, какой именно смысл вкладывался в слова, прозвучавшие из зала. И все же можно говорить о вто-

рой версии — об убийстве, — которая тогда не была разработана.

Вечер в Камерном театре прошел 4 января, а уже 8 января состоялось объединенное заседание правлений союза поэтов и союза писателей, на котором было принято постановление, «в силу которого никто из членов названных союзов ни в каких вечерах, посвященных памяти Есенина, без разрешения правлений принимать участия не может» («Красная газета. Вечерний выпуск» — Ленинград, 9 января 1926 года). Возможно, что об убийстве Есенина говорилось не только в Камерном театре 4 января, но и на других вечерах, это и вызвало принятие постановления. Комментируя этот «приказ поэтам и писателям», газета «Дни» 19 января писала: «Постановление это мотивировано ссылкой на попытки разных лиц устраивать указанные вечера с «спекулятивными целями». Но, разумеется, «умысел другой тут был»: смерть Есенина напомнила о гибели Гумилева и многих других, и «есенинские вечера» стали... неудобны». С этим мнением трудно не согласиться. Если в первые дни после смерти Есенина власти приняли ряд решений, направленных на увековечение памяти поэта (взятие организации похорон на государственный счет, решение о переименовании деревни, в которой родился Есенин), то вскоре начинается искоренение из народной памяти имени Есенина, разворачивается борьба с «упадочничеством», которая переименовывается в борьбу с «есенинщиной».

Кроме отмеченных выше, были и другие предположения о причинах гибели Есенина. Так, основываясь на статье В. Елагина («Русский голос», Нью-Йорк, 7 февраля 1926 года), можно выделить еще одно. Собственный корреспондент рижской газеты «Слово» передал в свою редакцию сообщение об особом отряде ЧК, который отравил Есенина. Самоубийство было инсценировано. Посмертное стихотворение написано поддельным почерком. Следователя, который вел дело в направлении убийства, «убрали».

Ни одна из версий не была доказана документально. И на долгие годы в общественном сознании утвердилась официальная информация, широко растиражированная газетами.

Только обобщение всех материалов о гибели поэта, разбросанных по различным изданиям и архивам и частично еще не доступных исследователям, даст возможность наиболее полно восстановить картину трагедии, происшедшей в номере гостиницы «Англетер». При этом необходим и объективный взгляд на есенинское наследие, освобожденный от преобладавшей в течение нескольких десятилетий версии о самоубийстве, учитывающей реальную и общественно-политическую обстановку первой половины 1920-х годов.

Максим СКОРОХОВ